

ВЛАДИМИР ЛЕОНОВ

Любви не меркнет свет один

Ю. БЕРНАДСКИЙ

Владимир Леонов

**Любви не меркнет
свет один. Ю. Бернадский**

«Издательские решения»

Леонов В.

Любви не меркнет свет один. Ю. Бернадский / В. Леонов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961838-2

Размышления и впечатления о новосибирском поэте Ю. Бернадском: Лишь
души, любили которых, Лишь те, что способны любить, ... Услышат
неслышимый шорох, Увидят незримую связь...

ISBN 978-5-44-961838-2

© Леонов В.
© Издательские решения

Любви не меркнет свет один Ю. Бернадский

Владимир Леонов

© Владимир Леонов, 2019

ISBN 978-5-4496-1838-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Любви не меркнет свет один»

Читать лирику Бернадского о любви, это все равно, что носиться в древних «*волнах седых*» Анакреонта «*пьяным от жаркой страсти... и без ума, и в разуме*», ожидая чуда Пигмалионовой пылкости или воли «*под царем восточным, православным*», как будто воду родниковую пить после сильной жажды или смотреть в звездное небо: чем дольше смотришь, тем больше видишь звезд и чувствовать «*...как лава древней крови // По Вашим жилам разлилась*» – М. Цветаева:

Но снова я вопросом вечным маюсь:
Что заставляет Душу вновь и вновь
На землю возвращаться, воплощаясь
В людях несовершенных?...
Лишь Любовь. – Ю. Бернадский.

Нежный лирик, много мятежных вопросов решающий, воспевает любовь, как притяжение магическим «*венком навкратидским*»: о нем говорят, но мало кто его видел:

Лишь души, любили которых,
Лишь те, что способны любить,...
Услышат неслышимый шорох,
Увидят незримую связь... Ю. Бернадский.

Его лирика, как песчинка у воды, полностью омыта свежестью и блестит ахматовским сентиментом: «*Настоящую нежность не спутаешь*». Мысль рождается, как прилив сказочной волны Цветаевой: «*Мне нравится, что Вы больны не мною*». Звучит по силе воздействия камертоном, настраивающий в общем чувствительном хоре основной тон – бессмертие, освещенное признанием Лермонтова: – «*...удивлённый свет Благословит... С моим названьем станут повторять Твоё*», – и утверждением Гете: «*Кто перестал любить и делать ошибки, тот может похоронить себя заживо*».

Поэт, приобщающий нас к внутреннему освобождению, со своим чувственным восприятием мира, не приемлющим любые формы несвободы: «*Кто не знает, что такое мир, не знает, где он сам...*» – М. Аврелий:

Я – Земля. Ты – вода.
И по Млечному рву
Сплетены наши корни и узы» – Ю. Бернадский.

Любовь и Женщина сопутствуют авторской жизни как истина, не имеющая даты рождения. И это не произвол субъективной воли поэта, а заданный жизнью смысл, одним из самых «умиротворяющих» факторов для творческого самочувствия Бернадского: ясные предчувствия обгоняют жизненный опыт, находят адекватные словесные выражения, говорящие о чувствительности самой темы поэтического призвания: *«В день Татьянин взойдет, // полыхая, светило... Пусть приснится на счастье созвездие Пса // Деревенской наивной девчонке»* – Ю. Бернадский.

Женщина для Бернадского загадка: краска и мольберт; лесть и батога; заклинатель и кобра; мир и война: *«Чудилась, что ты тетрадка, // Не заполненная мною»*. Она появляется *«... как чудо, внезапно. // Как колдовская сила»... И смех твой чистый, как глоток воды. // И распустишься робко сережкой ольхи»*. Всепоглощающий жар перевоплощений и испытаний, эссенция естества, сопоставимого с пушкинским чудным мгновением, когда женщина явилась *« как мимолетное виденье, ка гений чистой красоты»*, или когда ты строчка за строчкой переживаешь с Блоком его мечты о Прекрасной Даме, или испытываешь неколебимое постоянство М. Цветаевой: *«Быть нежной, бешеной и шумной...»*, а то спускаешься в чистилище вместе с Симоновым:

В рай, наверно, таких отчаянных
Мало кто приведет с собой,
Будут праведники нечаянно
Там подглядывать за тобой.

Для Ю. Бернадского Женщина – поэтическую звезда, в которой есть некая тайна, притягивающая и завораживающая – как южная ночь до восхода луны; горячая и крепкая, как объятия; горькая, как разлука: *«И, вся полна глубокой муки, // Ты прокляла, ломая руки, // Тебя опутавший порок»* – Н. Некрасов:

Весна. Все определено...
Лишь ты грустна и непонятна:
То шепчешь о любви невнятно,
То смотришь холодно в окно. – Ю. Бернадский

И он добавляет в Женщину свои колдовские чары – — запах мечты, глоток любви, порцию счастья, – и будто солнце среди звезд неожиданно блеснуло, Женщина открывает читателю (зрителю) свои волшебные стороны, трогательно описанные Лермонтовым: *«Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея, // Про любовь мне сладкий голос пел»*. Солнечная палитра идеалов и миражей, утонченных чувств и мечтательной неги, разлитая поэтом в стихах, придает Женщине несказанную привлекательность: *«Все полно мира и отрады // Вокруг тебя и над тобой»* (Лермонтов):

Дана как лебединая песня..
Эта Вечность... И Женщина эта...
Ты появлялась, как чудо,
внезапно.
Как колдовская сила. – Ю. Бернадский

Она становятся для него сладким и дерзким, как поцелуй украдкой; вдохновенным и изысканным – как высокая поэзия; обволакивающая негой – как восточная музыка; красивой

и нежной – как цвет черемухи по весне; яркой – как цвет вишневых садов, овеянных первой оттепелью; романтической и волшебной – как прогулка по местам детства; мечтательной – как ранняя юность; томительной – как предчувствие перед вхождением в рай и... неопределенным, ускользающим послевкусием – как неразгаданный намек: *«Взлетаешь ввысь от взгляда неземного//Завидуешь своим глазам – они // Не видели пока еще такого! //Ее душа – как яркие огни!»*:

Из неведомых сказок
волшебным узором
Разукрасит окошко

крещенский мороз...
Я твоим околдован
бесхитростным взором,
Где ответ на не заданный
вижу ответ. – Ю. Бернадский.

Мир Психеи, сердечных женских переживаний лирой Бернадского предстает перед нами полетом чувствительной бабочки, вобравшей в свой окрас все цвета и оттенки намеков, аллюзий, аллегорий, сравнений, эмоциональной спонтанности, переломов настроений: *«Я думаю об утре Вашей славы, //Об утре Ваших дней, // Когда очнулись демоном от сна Вы //И богом для людей»* – М. Цветаева.

Полет как самоотречение от жалкого тривиального «суета сует» – *«Зари слепой и бесполезной»* (в понимании М. Волошина), – алмазных попыток безликой повседневности, и как попытка поймать неуловимое и ускользаемое, любовь, ту *«пленительную тайну... страстный бред»* (В. Брюсов), оплодотворяющее смысл нашего существования. Подходят слова А. Франса: *«Даже вечность мы рисуем каждый по-своему, в своем вкусе. У абстрактного, как и конкретного, есть свои краски»*:

И легкое твое прикосновенье
Способно даже камень оживить...
Как спирт,
аорту обжигая,
пью до дна. – Ю. Бернадский.

В партитуре гармонии ласкающей, под страстным чувственным сводом привольно разместились Аполлон с лирой сладкозвучной, Амур, *«...заимствующий стрелы у глаз прекрасной»*, Купидон, льющий воду на пылающее сердце, которое *«Ему никогда его не потушить»*. – все ущелины сердца поэта купированы *«каплями масла с лампадки Психеи»* – немой, тайной, но не слепой Вожденной Любви, той, которая всегда стоит на пороге нашей души и ждет, чтобы ее впустили, как сказку среди зимы, и которую никакими притворствами не скрыть, не утаить: *«Скажи мне, ветка Палестины://Где ты росла, где ты цвела?//Каких холмов, какой долины Ты украшением была?»* – Лермонтов:

Она с рождения – в крови.
И даже солнце без любви
Про нас забыло бы или дотла сожгло» – Ю. Бернадский.

Кажется, после любовной лирики Бернадского еще больше и дольше хочется ликовать, страдать, тосковать в разлуке, ревновать. Быть верным часовым у святыни – у Женщины. Так

поэт всемогуще, по-царски, и как простой смертный, доступно передает выразительным художественным словом свое состояние любви, обжигающей нутро искрами смятений Гефеста, прознавшего о страсти между Афродитой и Аресом, что мужчина однажды произнесет:

«Аве Мария! Святое провиденье! Ты мой изумруд! Чистый прохладный водопад! Чудесная, райская и прекрасная. Изумительная, сказочная. Нежная и волнующая. Ты владеешь вечной юностью моей! В твоих глазах растаяла вся моя грусть. Ты улыбаешься. Ты рядом со мной. Душевное наслаждение! Видя тебя, возбуждающую, душа просто улетает на небеса. Вырастают крылья для полета в рай, души соприкоснулись, и сердца нежностью наполняются, освещаемые символом любви: *«У двух любящих одно сердце, // Они вместе живут и оба вместе умирают»* (из древнего песенника):

Мир без любви – безмолвной льдин.
Любви не меркнет свет один.
Тот, от которого
и под землей светло. – Ю. Бернадский.

Слова – проникновение! В них *«Душа одна – любовь одна»* (З. Гиппиус). Нежная вязь! Эоловы арфы – звучащие лишь тогда, когда по их струнам ударяет буря: *«И вновь мечтала я о той далекой воле, // О той далекой стране, где я была с тобой»* (А. Ахматова). Чарующее тремоло, звуки как мелодии, которые могут тронуть звезды: *«Преклоняю я колена, Артемиду, пред тобой»*. Душевная наполняемость, развитие и продолжение магии Цветаевой: *«О любовь! Спасает мир – она! // В ней одной спасенье и защита»*.

Все так удивительно красиво и прелестно. Словно попадаешь в какой-то сказочный мир, когда всем счастьем пропитана каждая клетка твоего существа, тебя поднимает могучая сила и уносит твой покой в «грот Венеры», лучше которого нет ничего в этом МИРЕ: *«Любви призванье – быть оплотом. // И как ее не нареки, – // Она – и крылья для полета, // Она – и русло для реки...»*. – Ю. Бернадский.

В душе производится глубокий приворот, в ней светится огонек сказочной жар – птицы, *«Прозрачный сумрак, луч лампы, // Кивот и крест, символ святой...»* (Лермонтов), будоражит шорох и шопот, несущийся в ветерке, услаждает свет тихой луны, глубокое безмолвие ночи, в которой Орфей, *«...для нежной Эвридики в Тартар мрачный нисходит»* (Н. Кармазин)) ...и тень анакреонтовой *«скалы Левкадской»*.

И мнится, что поэтическая лирика Бернадского вытекает из «Илиады», где *«...и любовь и желания, шепот любви, изъясненья, // Льстивые речи, не раз уловявшие ум и разумных»*, из невинного удовольствия, испытанного однажды Лермонтовым: *«Есть сила благодатная // В созвучье слов живых, // И дышит непонятная, // Святая прелесть в них. // С души как бремя скатится, // Сомненье далеко – // И верится, и плачется, // И так легко, легко...»*.

Стихи словно снежный ноктюрн – невозможно оторвать взгляд от этого чуда, изящно закольцованного у Пушкина в милую земную «глупость несчастную»: *«Я вас люблю, ... // И в этой глупости несчастной // У ваших ног я признаюсь!»*

И засыпает луна нежной ленью... И тают слова, как деревья в снегу, и замирают в снежной пыли! И звучит совершенная музыка, которая меняет ритм сердца, питая его волошинской «влагой звездной», соком чувственного наслаждения, всей этой музыки любви, так чарующе переданной Н. Огаревым: *«В вечернем сумраке долина // Синела тихо за ручьем. // И запах розы и жасмина // Благоухал в саду твоём... // Я близ тебя стоял смиренный, // Томимый трепетом любви. // Уста от полноты дыхания // Остались немые и робки»*.

Честно, другого и не ощутишь, как только звук нот, которые дают струнам человеческой души завораживающий аккорд, и возникает видение, будто: *«Нежный мальчик вдруг с улыбкой детской // Заглянул тебе, грустя, в лицо...»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.